

Сов. культура. - 1990. - 20 окт. - с. 8

ПОЗДОРОВКАЙТЕСЬ С СЭРОМ...

А К НАМ, оказывается, приехал сэр. Но это событие прошло мимо меня.

Чего не скажешь об экспериментальном творческом объединении «Ладья». Возможно, в порядке именно эксперимента объединение сняло фильм. Который называется «Вот я стал богатый сэр и приехал в ЭСЭСЭР». Так состоялось мое знакомство с Вилли Токаревым. Который любезно поделился своим пением.

Возможно, он просто не знал, куда именно приехал, в какую аббревиатуру. Возможно, он подумал, что слово из песни не выкинешь, а букву можно. И приехал, как видите, не в ЭСЭСЭСЭР (СССР), а в ЭСЭСЭР (ССР). Внес сумятицу, а сам уехал. Предоставив нам возможность судить о том, как он поет в ресторане.

В ресторанном пении, как и на все в ресторане, есть своя наценка. За счет того, что в еду добавляют пение. То есть ваше музыкальное сердце работает в дуэте с пищеварительным трактом. Вы жуете, а вам поют.

Ну у нас жевать нечего. В зале Лужников. Поэтому слушали Вилли Токарева, не поемши. Так сказать, попевши, но не поемши.

Первый раз Вилли Токарев уехал от нас 15 лет назад. Папа — шофер Иван Васильевич, мама — Мария Николаевна,

родился в деревне Чернышево. И уехал он из СССР в Одессу. Я имею в виду ресторан «Одесса», что на Брайтон-Бич, который в городе Нью-Йорке. Где и поет.

А из Одессы вышли, должен заметить, не только Утесов и Жванецкий. Я, например, там знаю одного все-таки очень некультурного человека.

Да, так вернемся к Вилли Ивановичу Токареву, который в СССР, как он благодарно вспоминает, «получил культуру». Получил, значит, культуру и увез ее всю в США. А там, видимо, полнейшая для культуры свобода. Во всяком случае, «Я утром написал песню, а вечером приношу ее в ресторан». Ну у него там, конечно, автомобиль, поэтому возит песни гораздо быстрее, чем, например, в троллейбусе. Возможно, скорость типа «утро — вечер» объясняется тем, что «здесь не было лита, главлита и так далее, музыкальных редакторов, то есть все было на моей совести». Ну, о совести чуть ниже.

Как вы поняли, 15 лет назад Вилли Иванович сменил обстановку: «Я жил когда-то под Кремлевскою звездой, теперь живу за атлантической водой». То есть 15 лет сладчайшей ностальгии, дело в том, что «где-то белые ночи, а в Нью-Йорке темно». Тем более, «А кругом миллионеры, денег куры не

клюют, между ними, как шакалы, люди бедные спуют». Не случайно «Нью-Йорк поразил меня сумасшедшими контрастами». Там, оказывается, в хищных шакалах ходят бедняки, а не богачи. И вообще, «Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой».

В общем, ностальгично ему там. К тому же «А в Нью-Йорке идут дожди». У нас они идут только, когда картошку собирать надо. А там просто круглый год. Гонолулу какое-то!

Конечно, меланхолия Вилли Токарева не очень показательна — ведь издавна известно, что приют певца угрюм и тесен. Вот если бы еще и на устах его печать.

Но нет, Вилли Токарев довольно пространно сообщает о жизни наших соотечественников за океаном. «Ботинки — вечер» объясняется тем, что «здесь не было лита, главлита и так далее, музыкальных редакторов, то есть все было на моей совести». Ну, о совести чуть ниже.

Как вы поняли, 15 лет назад Вилли Иванович сменил обстановку: «Я жил когда-то под Кремлевскою звездой, теперь живу за атлантической водой». То есть 15 лет сладчайшей ностальгии, дело в том, что «где-то белые ночи, а в Нью-Йорке темно». Тем более, «А кругом миллионеры, денег куры не

или все-таки в пенсне? Одним словом, «седые мальчики кусают пальчики, неодолимый перед ними Рубикон».

Честно говоря, я и раньше слышал, что в Нью-Йорке жить трудно. Но так запустить коммунальные услуги: «Здесь не отыщете общественных уборных, что их воздвигнут — это только жалкий треп, так повелось, в Нью-Йорке стало незачинным, стоять и писать, словно пес, на небоскрэб». Вилли Иванович — человек рассказанный, но даже он умалчивает — до какого этажа?

И надо ли удивляться после всего этого, что «а над Нью-Йорком журавли не пролетают»? Им в США даже пописать негде.

Ну хватит про Америку. О своей географической Родине Вилли Иванович получил по приезду довольно своеобразное впечатление. Правда, поет он про это всего две песни — про Сочи и про Москву. Мог бы, вообще-то, с утра пораньше написать побольше, чтобы вечером все нам спеть. Видимо, он все-таки умеет ограничивать себя в творчестве.

В Сочи ему понравилось: «Здесь солнце одинаково всем греет, грузину, украинцу и еврею». Правда, «Здесь девочки стройнее кипариса, мне встретилась залетная Лариса, сто долларов спросила за знаком-

ство, я просто обалдел от вероломства, ой!»

В Москве все получилось лучше: «Я здесь почувствовал и Русь, и русский дух, мне наливали пиво, водки и портвейна, родная речь ласкала музыка мой слух». Ну и не без поборимства, конечно: «Что мать Москва моя, всегда мне это льстило, большой привет ей от Нью-Йорка, от отца». А все равно при этом: «Я только телом эмигрант...» При таких-то родителях, конечно, такое сложное тело.

Понравилось у нас Вилли Токареву. У него тут столько понимающих его друзей. Я бы к ним на его месте приезжал каждый день. Позвольте приветить его как бы песенный отчет о поездке за рубеж:

В Москве я встретил
знаменитого Брунова,
Я с ним в Нью-Йорке
в ресторане выпивал.
Мне так приятно было
слышать Борю снова,
Он анекдотом напоял.
Гостил я в доме у Иосифа
Кобзона,
Я подружился с ним легко
и навсегда.
И от Москвы-реки до
самого Гудзона
Он, как и прежде,
покоряет города.
Я был у Алочки,
У Аллы Пугачевой,
Там были гости всяких
рангов и мастей.

Мы пили водку за
здоровье Горбачева.
Сама варила Алла

для гостей.
И мне, как другу, своему,
не иностранцу,
Устроил встречу
Вознесенский с «Огоньком».

Я завистливо не поверил: уж больно высоко махнул — Алла Борисовна еду ему варит? А потом, гляжу, Вилли Ивановичу вообще не чужды крупные жизненные параллели: «Если для Иисуса Назарет, для меня мой город над Невою». Здесь мне, признаться, уже не удалось улыбнуться, хотя бы насмешливо.

Я плохо знаком с ресторанным пением. И не мне указывать, кому и как петь в «Одессе», что на Брайтон-Бич, и подо что там есть и танцевать. Но плохо представляю какой-нибудь московский ресторан, который пригласил бы Вилли Токарева для пения. Собственно, ни один ресторан и не пригласил. Он пел просто в Лужниках. При полных аншлагах. Братья и сестры по аншлагу, так с нас же будет смеяться вся «Одесса» вместе с кухней.

Только, ради бога, не сообщайте мне, что это фольклор, ой! Как говорят в ресторане «Одесса», не морочьте мне эстетический вкус.

Э. ГРАФОВ.